

бушка, ты все то жива еще". — „Жива, жива, еще, кормилецъ, жива". — „Вотъ, бабушка, я привезъ тебѣ отъ сына поклонъ". Эта бабушка и говоритъ: „не повѣрю я тебѣ, кормилецъ, что моего сына ты видѣлъ". — „Бабушка, правду ты говоришь, что его въ живыхъ нѣту, я нашелъ его въ землѣ. Ты его не простила, и его мать сыра земля не принимаетъ, а тебѣ за то Богъ смерти не даетъ. Ты прости его, тогда его мать сыра земля приметъ, и тебѣ Господь смертушку пошлетъ". „Не, батюшка, не прощу его, пусть онъ пердитъ (гниетъ) въ землѣ". А этотъ солдатъ говоритъ: „бабушка, тебѣ Богъ смерти не пошлетъ". — „Не, батюшка", не вѣрю тебѣ, што Богъ смерти не пошлетъ, безсмертныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ, это только я такая долговѣкая". — „Ну, бабушка, неужто не простить, прости, а то я завтра еще приду". — „Хоть ходи, хоть не ходи, все равно не прощу". Онъ трои сутки ходилъ къ старухѣ, а она все не простила сына. Тогда онъ черезъ трои сутки перекрестилъ своимъ крестомъ и сказалъ: „во имя Отца, и Сына, аминь". Какъ только ѣнъ ее перекрестилъ, полъ разступился, и она провалилась... *далее оборвано.*

Боровичскій у. 1903.

61. Одна копѣчка.

Бѣдный мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣдный у богатого кума въ займы 10 руб. и выплатилъ ему по частямъ все, окромя одной копѣйки. Одначе богачу жалко и одной копѣйки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣдни въ церкву, — кумъ жилъ въ другой деревни — заходитъ подъ окно хъ куму и спрашивать: „скоро-ли, кумъ, копѣчку отдашь? хоть Богу свѣчку на ею поставилъ бы". А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ. „Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ". Цѣлый годъ спрашивалъ богачъ копѣйку. Наконецъ, надоѣлъ бѣдному. „Вить, эдакой кумъ-то „скупердай": вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка! я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ къ обѣдни, попроси его обмытъ меня и сvezь въ церкву". Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣлъ бѣдной

кумъ въ окошко богатаго, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулось и умеръ. Богатой подходитъ хъ окошку и стучитъ: „кумъ! а скоро-ль копѣчку-то отдашь?“—„Охъ, ты, куманекъ, кормилецъ! вить померъ хозяинъ-то у мя“. „Што-ты?“—„Взаболь. И просилъ тибя передъ смерѣдушкой обмытъ его и въ церкву свезъ“.—„Эхъ, кумъ, кумъ, рано ты померъ и копѣчки отдать не успѣлъ“. Началъ онъ кума мыть горячей водой. Какъ плеснетъ на кума, а кумъ какъ дрыгнетъ. Оммыли кума, взяли сколотили домъ ему и принесли въ церкву.—„Вѣрно“, думаетъ, „кумъ притворилсе мертвымъ и хочеть што-нибудь счалить изъ церкви. Дай-ко я догляжу!“ И спряталсе за печку. Пришла ночь. Богатой стоять за печкой и ждеть. Вдругъ што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церкву ворвалась не святая сила. Вишь оны по ночамъ ходять въ церкву-то. Вошли, насыпали на полъ цѣлый ворохъ денегъ—гдѣ то не благословясь положены деньги-то—и стали дѣлить. „Ужо-ко,“ думаетъ богатой, „я ихъ пугну, не бросять-ли деньги-то!“ — Живыи и мертвыи! ставайте!“ крикнулъ онъ. Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвой кумъ поднялсе. Тутъ вся не святая сила скочила да вонъ изъ церкви. Забыли даже и двери запереть.—„А што, кумъ, вить ты живъ?“—„Живъ“. — „Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимъ деньги“. Подѣлили. Черти между тѣмъ спохватились, что оставили деньги и послали двоихъ посмотриѣть въ окно, сколько народу въ церкви — можетъ мало, такъ нельзя-ли отнять у ихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ между собой. — „А вить, кумъ, ты все еще не отдалъ мнѣ копѣчки-то!“ — Въ это время одинъ изъ чертей заглянулъ въ окно. Бѣдный кумъ цапъ съ его красный колпакъ. — „На, гыть, тебѣ копѣйка!“ и бросилъ колпакъ богатоу. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ къ своимъ. — „Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нѣчего: нашихъ денегъ по копѣйки только, да ишо онному и не хватило“. (Вишь, оны думали, што ихъ такъ много, што на кажнаго пришлось только по копѣйки, и ишо онному не хватило). Такъ и стали оба кума богатые.